

Глава 1

Почему, когда не надо никуда спешить, просыпаешься так рано? В тот день сон улетучился около семи утра, я честно предприняла несколько попыток его вернуть, но все было бесполезно. Почему, когда мне нужно на утреннее заседание, я ни за что не встану сама, без будильника? А когда все-таки встану, буду бухтеть себе под нос, что ненавижу быструю еду, фен, спешку, пробки, сонных секретарей и опоздания судей. И вообще утро я терпеть не могу. Но, если мне спешить некуда, я обязательно просыпаюсь чуть свет и бессмысленно пялюсь в потолок. Какого черта, можете мне объяснить?

Травма открыла передо мной перспективы довольно долгого утреннего безделья. Ну потому что, среди дня, я работала по мелочи — составляла исковые заявления, писала апелляционные жалобы, консультировала по видеосвязи постоянных клиентов. Но время дня для этой работы ввиду

своей немогности я уже выбирала сама, как мне было удобно.

На людях я, конечно, не упускала случая посоветовать на то, как травма отягощает жизнь, как не вовремя она свалилась мне, слава богу, хоть не на шею, а только на ногу, как невыносимо находиться в четырех стенах активному человеку, которого ждет прорва работы. «На людях» — это значит в телефонных разговорах с коллегами, подружками, приятелями, родственниками и частично с мамой, которой привирать было трудно, ибо свою единственную дочь, то есть меня, она видит насквозь. От желающих лично проведать больную я пока что виртуозно увораживалась.

На самом деле вынужденное домоседство меня вовсе не тяготило. Я устала, мне требовался хоть какой-то отдых. Конечно, своему дивану я предпочла бы лежачок на маленьком нежном песочке где-нибудь в районе Плайя-де-Пальма, но поскольку о Майорке речь даже не шла, то и мечтать о ней было нечего. Травма мне почти не мешала. Это ведь не пневмония с ее абсолютным бессилием и удушающим кашлем, лишаящим сна, не какие-нибудь жесткие выкрутасы желудочно-кишечного тракта, при которых толком ни поесть, ни попить... Нога надежно упаково-

вана в гипс, если ее не кантовать, то болей нет и беспокойства она не доставляет. А день длинный, и, если не тратить его на дорогу, ожидание того-сего и магазины, можно много чего успеть: и поработать, и почитать, посмотреть какое-то кино, попить кофе со сливками или чай с брусникой, поболтать с мамой по телефону, а когда приедет — помочь ей на кухне. Она правда все время твердила, что одноногие помощницы ей без надобности, но я старалась не злоупотреблять. Хотя я понимала, что для мамы приготовить мне что-нибудь вкусненькое в радость: когда это она так часто видела свою безумно занятую, загнанную как лошадь дочь? Мой гипс обеспечивал ей возможность видеть меня даже чаще, чем мне бы того хотелось, но и мне он тоже давал некие преимущества.

Во-первых, горизонтальное положение позволило мне на законных основаниях отлынивать от дела, взяться за которое очень просил отец. Приблизиться к этому делу мне не хотелось, поскольку оно было круто замешано на региональной политике, и все его участники еще вчера относились к властному бомонду. Общаться с ними у меня не было ни малейшего желания, я предпочитаю клиентов, которые доверяют своему адвокату и честны с ним, как со своим лечащим врачом. Однако отказывать отцу было

нельзя. Невозможно объяснить почему, просто нельзя, и все.

Еще одно преимущество моего горизонтального положения заключалось в том, что оно позволяло избежать личного присутствия на 55-летию родителя, которое, кстати, должно было состояться вчера. Просто не прийти опять же было нельзя. Так уж принято в нашей семье. Отец считал, что любое сказанное им слово имеет силу закона, даже если в момент его произнесения на судье была не мантия, а домашние спортивные штаны. Я знаю, что имелись на этот счет и другие мнения, которые просто не высказывались вслух. Члены семьи жили так, как считают нужным, просто отцу это свое право предпочитали не доказывать. Зачем? Мне не хотелось идти на праздник, потому что я не жаждала видеть своих напыщенных деда и бабу, которым я была обязана только одним — своим статусом ребенка, рожденного в законном браке. В дальнейшем равнодушие, которое они демонстрировали по отношению к моей персоне, не нуждалось ни в каких комментариях. Они просто меня не любили. Повзрослев и осознав это, я стала платить им той же монетой.

Насчет семьи это я, конечно, загнула. Полноправным членом нынешней семьи своего отца я никогда и не была, а та, в которой нас было

трое — мама, папа и я, просуществовала совсем недолго, и я знаю о ней только по рассказам, ибо сама тогда была младенцем. Мои родители поженились, будучи студентами юридического факультета, с одной-единственной целью: чтобы я появилась на свет на законных основаниях. О любви между ними и речь не шла, они, строго говоря, даже не были парой. Просто вращались в одной компании, вместе проводили время, периодически веселые вечеринки заканчивались для них в одной кровати. Никто не придавал этим отношениям значения, пока мама не почувствовала первые признаки беременности. Будущий папаша рассказал обо всем своим родителям, то же самое пришлось сделать и маме. Старшие посоветовались и решили, что рожать ребенка вне брака нельзя, неправильно это. Брак зарегистрировали и молодых поселили вместе, чтобы они честно попробовали: а вдруг что-то получится? Например, любовь возникнет? Или семья сложится? Ничего не получилось, не возникло, не сложилось, и через несколько лет мои родители, окончательно устав от общества друг друга, тихо-мирно разошлись. Они не говорили дурно друг о друге, но и дружбы между ними не возникло. Они просто не общались. Мама не стала больше выходить замуж, на мои вопросы отвечая всегда одинаково: «Я

там уже была, с меня хватит». Или так: «А разве нам вдвоем плохо?» Мне было хорошо, ей — не знаю. Какие-то мужчины у мамы были, но встречалась она с ними лишь эпизодически и на их территории. И только когда я стала взрослой, она решилась на серьезные отношения с одним очень приятным человеком, хорошим доктором, и переехала к нему жить, оставив меня самостоятельно устраивать свою собственную судьбу, за что я была ей очень благодарна.

Пока я была маленькой, отец обременял меня своим вниманием не часто — на день рождения и на Новый год. Он женился на красавице, активно делал карьеру в прокуратуре, готовился стать судьей, воспитывал сына. Потом в семье отца произошло несчастье: пышущая здоровьем, полная жизненных сил женщина, его жена, нелепо и трагически погибла под колесами автомобиля, которым управлял вдребезги пьяный водитель. Сближение с отцом произошло после того, как я сказала, что буду поступать на юрфак. Мне показалось, что именно тогда он, законник до мозга костей, впервые почувствовал себя отцом по-настоящему, а во мне увидел не просто ребенка, в котором не сильно нуждался, не просто милую девочку Ксюшу, перед которой нужно изображать папу, а продолжателя семейной традиции. Со мной уже не надо было сюсюкать,

зато появились темы для разговоров. Короче, он меня зауважал, мы стали часто общаться. Тем более что его младший сын — и, соответственно, мой сводный брат — Стасик о юриспруденции даже слышать не хотел, чем очень огорчал отца. Он рос, кстати, славным мальчиком, смешливым, озорным, может быть, даже шkodным, но при этом унаследовал удивительную, нежную красоту своей матери, за которую ему прощались все его шуточки, каверзы и иные прегрешения. Я легко полюбила это создание, в котором самым непо-стижимым образом цепкий ум сочетался с детской наивностью, а проницательность зрелого человека — с мальчишеской бесшабашностью и легким отношением к жизни. Стасик вырос остроумным, живым мальчиком, имел острый язычок и цепкие коготки, но умел быть ласковым и трогательным, как новорожденный котенок. Неожиданно для всех он подался в бизнес, связанный со сферой развлечений, а точнее, организацией праздников, корпоративных мероприятий и частных вечеринок. Отцу это не нравилось, но Стасик начал зарабатывать деньги, отчего настойчивые просьбы оставить его в покое стали звучать все более убедительно.

Я сделала себе чашку капучино и стала поглядывать на часы, прикидывая, удобно ли звонить отцу, чтобы расспросить о том, как прошло

вчерашнее торжество. Стасику звонить точно не стоит, он спит допоздна. Было еще рано. И после второй чашки тоже будет еще рано. Гости, конечно же, разошлись за полночь — неужто Стасик не сумел бы развлечь публику, пусть даже и самую чопорную?

Насчет чопорности вчерашнего собрания я, впрочем, была не очень уверена. Я знала, что отец отметил свой праздник в кругу коллег неделю назад в хорошем ресторане, и официальные лица были приглашены именно туда, а на вчерашний вечер планировалось мероприятие более легкого формата, расслабленное, семейно-дружеское. Если бы не необходимость созерцать там деда с бабкой, я бы не стала от него отлынивать. К Инге, папиной будущей жене, я относилась вполне лояльно, недолюбливать ее у меня просто не было причин. Мою маму ради нее отец не бросал, совместную жизнь одной семьей не навязывал. С Ингой мне делить было решительно нечего. Это Стасику придется, если, конечно, он не надумает отделиться, жить под одной крышей с мачехой, которая всего на пару лет старше его, и это Стасик мог ревновать отца к памяти своей погибшей матери. Стасик мог не верить в искренность чувств молодой красивой женщины, очень удачно прибившейся к влиятельному небедному человеку с положением

в обществе. Хотя я от него жалоб на Ингу ни разу не слышала. И вообще Стасик, как я уже успела упомянуть, легкий мальчик, он не любит отягощать ни свою, ни чью-то еще жизнь лишними переживаниями. Я только однажды спросила его, как он относится к Инге, ладит ли с ней. В свойственной ему манере он ответил:

— Главное, чтобы отец с ней ладил, мне-то что. Не мне же с ней спать.

Через пару минут, видимо, постеснявшись собственного безразличия, добавил:

— Она не вредная, не хищная, не глупая. Но самое главное, она не колет ботекс и не ходит к пластическим хирургам. Так что пусть он женится, я не против.

Как только я отковыляла в сторону кухни подальше от прикроватной тумбочки, где остался мой телефон, аппарат громко заиграл марш горного короля из «Пер Гюнта». Кто бы это мог быть? Я бросила взгляд на часы в прихожей: еще не было и девяти утра. В обычный день звонки в такое время отнюдь не были редкостью, но сейчас мне никто не звонил так рано, все, видимо, считали, что моя плюсневая кость ни за что не срастется, если ее так рано будить.

— Не спишь? — прозвучал в трубке постоянный вопрос всех полуночников и любителей звонить в неурочное время.

— Уже нет, — спокойно ответила я. — Неужели пожар?

— Хуже. Вставай, жди меня, я скоро буду.

— Вообще-то я еще даже не умывалась, — попыталась отбиться я, хотя и понимала, что это тщетно.

— Пока я доеду, умоешься. Потом будет не до того.

Столь бесцеремонное поведение я могла позволить только одному человеку — моей подруге детства, а потом и однокурснице Тае Кутиевой. Я ее знаю столько, сколько помню саму себя, потому что мы жили в одном доме, ее родители были однокурсниками моей мамы (и отца — соответственно), дружили с незапамятных времен, а потом всю жизнь вращались в одной юридической тусовке. Между нами с Тайкой ни условностей, ни церемоний нет. В студенческие годы Тая могла явиться к нам в половине третьего ночи, зная, что мама вряд ли воспримет ее визит в негативном ключе, и заявить, давась рыданиями:

— Ксюха, я никогда его не любила! Я только сейчас это поняла! На что я потратила полгода своей жизни!

Я старалась не остаться в долгу. Я могла, например, излишне впечатлившись ночным просмотром «Крестного отца», утянуть домашний

телефон в кухню, чтобы мама не проснулась, набрать номер и сказать:

— Ты знаешь, Тайка, все-таки Аль Пачино самый красивый мужчина в мире.

— Он слишком маленький, — спросонья заявила тогда она.

— Не беда, тебя он в компанию не приглашал, а мне бы подошел и таким, какой есть.

— Ладно, — зевнув, легко соглашалась Тая почти в три часа ночи, — я не возражаю.

Мы с ней любили друг друга иррациональной любовью. У нас было много несовпадений во взглядах на профессию и на жизнь, но повзрослому мы никогда не спорили, это было залогом сохранения наших уникальных отношений, мы обе понимали это, хотя и никогда не произносили ничего подобного вслух.

То, что Тая заявила о чем-то, что хуже пожара, меня не слишком удивило: никогда не знаешь, что в данный момент могло так всколыхнуть ее впечатлительную натуру. Я ждала ее без всякого плохого предчувствия. Оказалось, напрасно.

Тайка ввалилась ко мне минут через сорок в крайней степени возбуждения — признак того, что она принесла какие-то новости. Однако по напряженному выражению ее лица, по тому, как старательно она отводила взгляд, мне стало по-

нятно, что эти новости не из разряда радостных. Лицо у нее было довольно помятое. Сперва я подумала, что моя подруга этой ночью попала в какую-то переделку, но не стала задавать никаких вопросов — сейчас сама расскажет, иначе зачем приперлась в такую рань?

Тая не спешила, вернее, никак не могла начать. Полезла было в холодильник, но я обратила ее внимание, что бутерброды уже на столе, она окинула их невидящим взглядом и достала из пакета свежие круассаны, которые захватила где-то по дороге. В холодильнике ее интересовало другое: нет ли у меня случайно сливок?

— Ладно, — наконец изрекла она, — все равно когда-то придется рассказать. Что-то мне не по себе.

— Похмелье? — кратко осведомилась я.

— Совсем чуть-чуть, — ответила Тая, — а так просто почти всю ночь не спала. Ладно, ты все равно узнаешь, пусть лучше от меня...

— Да что случилось-то? — наконец не выдержала я.

— Вчерашний праздник у твоего отца закончился полной катастрофой, — выпалила она.

— Я надеюсь, все хотя бы живы?

— Живы-то, может, и живы... — уклончиво промямлила Тая, — но там полный ужас.

— Ты всегда умела толково и доходчиво ввести в курс дела, — съехидничала я.

— Я расскажу. Толково и доходчиво. Все, что знаю.

— Ты что, была у отца? Почему мне не сказала?

— Ты с ума сошла! Я бы сказала! — возмутилась Тайка. — Разве я от тебя когда-то что-то скрывала?

— Откуда же ты знаешь, что там было? Время-то еще раннее, — я выразительно взглянула на часы.

— Мир не без добрых людей, я еще ночью все знала, звонить не хотела.

— Это трогательно.

Тая была права. Юридический мир только кажется таким обширным. На деле же он, несмотря на многолюдность, тесен до крайности, все в нем связаны какими-то узами, все кем-то кому-то приходится: учителями или учениками, однокурсниками, бывшими сослуживцами, сегодняшними коллегами, женами-мужьями, близкими или дальними родственниками, бывшими или нынешними любовниками-любовницами, друзьями, деловыми партнерами, собутыльниками или просто приятелями.

— На самом деле там все совсем не смешно, — начала Тая.

Неофициальное празднование своего торжества мой отец, Михал Михалыч Кондрашов, решил устроить дома. Без лишних гостей, только ближним кругом, без пыли в глаза, помпы и роскоши, которая никак не монтируется со статусом председателя районного суда. Михал Михалыч, к своему счастью, обладал редким для нынешних ответственных государственных деятелей чувством меры. У него имелся хороший дом, тщательно ухоженный и отделанный с большим вкусом. Достаточно просторный и элегантный, чтобы в него не стыдно было приглашать гостей человеку его положения, и вместе с тем не похожий на визитную карточку судьи, у которого сразу же хочется спросить преискурант на его услуги.

Садик за домом вообще был таким чудесным, будто находился не в центральной части миллионного города, а где-нибудь в благостной тишине загородной усадьбы. На лужайке позади дома и собирались накрыть праздничные столы. Пока моя сломавшаяся плюсневая кость не обеспечила мне неожиданный больничный и предполагалось, что я буду присутствовать на торжестве, Инга то и дело звонила посоветоваться. Некоторое время назад я была на подобной вечеринке и очень хвалила какой-то гриль-кейтеринг — какой именно? Я знала, у кого именно можно заказать настоящую ягнятину — не

поделюсь ли номером телефона? Мои советы ей требовались постоянно, хотя в доме имелся профессионал по части организации праздничных вечеров. Какое вино лучше? И стоит ли охлаждать красное? Это, конечно, не положено, но ведь лето и многие любят прохладное вино. Я должна была оценить новые ротанговые полукреслица для сада, в которых будут сидеть гости, присоединиться к окончательному обсуждению меню. Высказать свое мнение по поводу дресс-кода для гостей, для чего нужно было решить, как позиционировать вечеринку: как светское мероприятие или как хоть и праздничный, но все же пикничок? На гирляндах я сломалась. И в переносном смысле, и в прямом. Я понимала, что Инге, как будущей хозяйке дома, не хотелось сплеховать, а посоветоваться было не с кем: собственные подружки, видимо, не годились, так как не знали вкусов и пристрастий Михал Михалыча, с друзьями будущего мужа она не была знакома, а если кого и знала, то шапочно. Оставались Стасик и я. К тому же мы с Ингой были в одной возрастной категории, так что на роль советчицы я подходила идеально. В общем, подготовка к празднику была основательной, и я даже представить себе не могла, что там пошло не так.

Тая заверила меня, что в смысле организации, меню и прочего все как раз было на высоте.

Праздник устроили в субботу, так что опоздавших по уважительным причинам не было, а просто так на торжество к Кондрашову никто опаздывать бы не стал, так что гости собрались вовремя. Как и планировалось, был только избранный круг: папины родители (то есть мои дед-фанфарон со своей напудренной бабкой), кое-кто из близких друзей, кое-кто из коллег, с кем отца связывали не только рабочие, но и добрые человеческие отношения. Парочка приятелей Стасика, которым отец охотно покровительствовал. Меню было изысканное, но без излишеств. Черной икры и крабов не подавали, но гостей угощали достойно: на огне жарили ягнятину, розовую форель, крупных креветок и разнообразные овощи, на столах красовались блюда со свежими салатами, говяжьими языками, холодными перепелками с чесноком. Французские вина и хороший виски, фрукты и свежие ягоды. В общем, все как в лучших домах. Стасик организовал джазовый квартет. Дамы были в нарядных платьях, но Инга, к плохо скрываемому удовольствию Михал Михайлыча, затмила всех. Молодая, свежая, гибкая, она умела быть эффектной даже в джинсах и белой рубашке, но ради праздника будущего мужа она постаралась выглядеть впечатляюще. Инга красивая женщина. У нее длинная шея, лучистые серые глаза, необычное, запоминающееся лицо без ма-

лейшего намека на накладные ресницы и модные салонные брови. Никаких уколов красоты Инга тоже не признавала, она источала естественную прелесть очаровательной, уверенной в себе женщины. Даже цвет волос у нее был натуральный, такой, что и закрашивать-то грех — редкого соломенного оттенка. В доме отца она появилась года полтора назад, причем привел ее Стасик, у которого по какому-то случаю собралась на шашлыки довольно разношерстная компания. Ингу он и сам до того не знал, она оказалась подружкой чьей-то подружки — Стасик общительный мальчик и любит пестрые, интересные компании. Разумеется, Михал Михалычу среди его друзей делать было нечего, но он на правах хозяина все-таки поприветствовал молодых людей, которые расположились в садовой беседке, ожидая, пока пожарится мясо. В день помолвки — то есть семейного ужина, когда отец и Инга сообщили о своем решении, — Михал Михалыч признался, что обратил внимание на Ингу сразу, как только ее увидел. Она с первого взгляда поразила его своей естественностью и непосредственностью, красотой и хорошими манерами. Одним словом, имела место любовь с первого взгляда. Инга мгновенно почувствовала заинтересованность во взгляде большого человека, откликнулась... В общем, отец в тот вечер вкушал шашлыки вместе

с молодежью, показывал девушке сад, хвастался своими кошками и выводком котят, они долго разговаривали. Ну а потом все пошло как-то само собой. К 55-летию будущего мужа Инга приобрела потрясающее платье — серо-серебристое, шелковое, с вставками из кружев более темного оттенка. Платье было узким в талии, открывало безупречную шею и гибкую спину, нижняя его часть спадала свободными фалдами. За пару недель до торжества, на котором отец собирался представить Ингу гостям как будущую жену, она показывала мне ожерелье, которое собиралась надеть с новым платьем. Нитка черного жемчуга, впереди — подвеска с жемчужной капелькой, прикрепленной к нитке бриллиантом. В наличии вкуса девушке трудно было отказать.

Можно было не сомневаться, что Инга предстанет перед гостями в своем самом выигрышном виде, и ей действительно удалось блеснуть, Михал Михалыч был более чем доволен, просто счастлив. Связь с моей мамой нельзя было даже с натяжкой назвать романом, я появилась на свет только потому, что они оба были слишком легкомысленны и слишком усердно потакали своим гормонам. Это была даже не ошибка, а просто времяпровождение, последствий которого они по глупости почему-то не предвидели. Маму Стасика мой отец полюбил по-взрослому, осоз-

нанно и, видимо, всей душой. Они жили счастливо, и когда с Екатериной Сергеевной случилось несчастье, отец надолго замкнулся, ушел с головой в работу. На какое-то время он как будто заледенел. Тогда же — совпадение это или нет — он стал уделять больше внимания мне, активнее интересоваться моей жизнью и моими делами. Может, у него просто стало больше времени, может, место в сердце освободилось, но, скорее всего, близко познакомившись со смертью, проводив любимую жену в другой мир, папа начал испытывать страх за тех близких, которые остались по эту сторону. Он стал бояться их потерять. Он был рад, что у нас со Стасиком установились теплые, родственные отношения, и не было похоже, что он нуждается в ком-то еще. Он не искал женщину, и уж точно не искал Ингу. Но, когда она появилась, отец стал чаще улыбаться, у него проснулся интерес ко многим вещам, к которым он давно стал безразличен. Он весь как-то подтянулся, похудел, помолодел, модно подстригся, обновил гардероб, стал еще импозантнее, чем был раньше. Я с некоторым скепсисом отношусь к стареющим мужчинам, которые женятся на женщинах много моложе себя, но в данном случае я была только рада. Во-первых, Михал Михалыч даже в свои пятьдесят пять продолжает оставаться интересным мужчиной: у него породистое правиль-

ное лицо, небольшая благородная седина в смоляных волосах, величественная осанка человека, привыкшего зачитывать вердикты. Он похож на римского патриция, даже нос с небольшой горбинкой соответствует этому образу. Во-вторых, он умен и широко образован, с ним интересно разговаривать. Кроме того, отец щедр и приятен в общении. Его было за что полюбить. Если бы мне встретился мужчина, обладающий такими качествами, вряд ли бы я думала о разнице в возрасте. Одним словом, в холодном расчете я Ингу не подозревала, в конце концов папа — не миллиардер, хотя, конечно, зарабатывает, как все судьи, хорошо, имеет отличный дом, связи, статус...

Но я отвлеклась. Тая тем временем благополучно миновала твердую почву первой части праздничного банкета, на которой уверенно себя чувствовали нарядные веселые гости и хозяйева. После основной части великолепного угощения слушали музыкантов, танцевали, рассказывали юридические байки и просто беззаботно болтали. Ни слова о ковиде, угрозах новых санкций, инфляции. В общем, все шло так, как и должно быть на хорошем, удавшемся банкете. Инга быстро со всеми перезнакомилась и, судя по всему, успела произвести на друзей отца явно благоприятное впечатление. Стасик с приятелями устроился в беседке играть в карты. Неза-

метно наступил вечер, кульминацией которого должен был стать какой-то особенный сюрприз, по всей видимости, музыкальный. Стас предлагал было какой-то интересный фейерверк, но отец наотрез отказался, даже обсуждать не стал. «Я судья, а не директор рынка, к чему такая помпа?» — сказал он, и тему закрыли. Стасик только пожал плечами, но судя по софитам, расставленным перед террасой, что-то более подходящее отцовским представлениям он все-таки придумал. На десерт заказали какие-то невероятные корзиночки со свежими ягодами и взбитыми сливками, на столах в маленьких вазочках появился какой-то особенный фруктовый мусс. В саду загорелись гирлянды, темнело. Банкет настолько хорошо удался, что никому не хотелось уходить. В саду было упоительно, меню оказалось так тщательно продумано, что все были сыты, но никто не объелся, дорогие напитки имели благородное воздействие, гости сделались веселы, но ни один не напился до неприличного состояния. Музыканты играли просто здорово. К наступлению сумерек из сада практически выветрились запахи еды, стало свежо, и хотелось, чтобы удивительный вечер длился до бесконечности.

Я очень живо представила себе идиллическую картину праздника и на минуту даже пожалела, что не смогла на нем присутствовать. В конце

концов, бабу и деда можно было просто не замечать, как они не замечали меня всю жизнь.

— Хотела бы я знать, кто успел рассказать тебе все в таких красках и подробностях, — вложив в интонацию максимум скепсиса, заявила я. — И еще больше хотелось бы понять, какая именно катастрофа имела место? Чего ты приперлась чуть свет? Цену себе набиваешь?

— Мы как раз к ней и подобрались, — пискнула Тайка, и по тому, как она потупила взгляд, я поняла, что я рановато пожалела о своем отсутствии.

— В общем, я не знаю, как тебе все это сказать, — продолжила она, — но, по всей видимости, Стасик готовил отцу какой-то музыкальный сюрприз. Может, поздравительную песенку или что-то такое, теперь уже не узнаешь.

— Почему не узнаешь? — строго спросила я. — Узнать нельзя у покойника, а разве кто-то умер?

— Не перебивай, — окрысилась Тая, — а то ничего не узнаешь. В общем, заиграла какая-то латинская музыка, кто-то стал спрашивать, куда подевался Стас. Да не кто-то... Его приятель, с которым он работает, он его искал.

В саду было установлено несколько небольших софитов, они освещали площадку, на которой расположились музыканты, периодически их поворачивали на лужайку, где танцевали го-

сти, или в сторону стола, когда кто-то просил слова, чтобы произнести важный тост. Стасика пару раз окликнули, он не отозвался, и тогда кто-то — неизвестно, кто именно, в темноте этого не было видно — направил луч на веранду. И Стасик мгновенно нашелся.

Картина, представшая глазам публики, была до того абсурдной, что в реальность происходящего невозможно было поверить. По саду короткой волной прокатился гул голосов, но дальше воцарилось гробовое молчание. Стасик на веранде был не один — с Ингой. Без пяти минут пасынок одной рукой держал будущую мачеху за волосы, другая терялась где-то в складках ее нарядного платья. Характер движений не оставлял никаких сомнений в том, чем именно занимается парочка, которая секунду назад находилась в полной уверенности, что ее никто не видит, потому что темно, и не слышит, потому что играет музыка. Та часть веранды, где предавались половому удовольствию подлые прелюбодеи, утопала в тени, и свидетелей у тайного совокупления не было бы, если бы не луч света, направленный прямо на то место, где желание застало любовников. Ничего более нелепого нельзя было и придумать. И объяснения сцене, представшей глазам гостей, тоже не было. Разве что молодые люди стремились получить какой-то особенно

мощный оргазм, находясь, пусть и невидимыми, в самой гуще людей. Особенную мерзость сцене придал тот факт, что из двоих ее участников испугалась только Инга, а Стас, судя по всему, несмотря на направленный прямо ему в лицо луч, благополучно и с большим удовольствием закончил то, ради чего там оказался.

Сказать, что присутствующие были ошеломлены, это не сказать ничего. Не все стали свидетелями отвратительного происшествия, но те, кто видел — видели достаточно. Остальные вошли в курс дела мгновенно. Послышался громкий всхлип Инги, после чего она в течение нескольких секунд скрылась в темноте. Стасик неровными шагами удалился в глубь дома: то ли он действительно был пьян, то ли вовремя догадался изобразить алкогольную невменяемость, понимая, какое объяснение ему предстоит с отцом. Михал Михалыч, наверное, с минуту стоял как вкопанный, не шевелясь и, казалось, даже не дыша, потом еле слышно пробормотал извинение и покинул место своего позора. Его матушка хотела последовать за ним, но муж довел ее, плачущую, до ближайшей скамейки и стал вызывать такси. Ее судорожные всхлипывания и попытки последовать за сыном он решительно пресекал строгим: «Не надо! Не трогай его!» Первый молчаливый шок сменился тихими голосами, среди

которых были слышны переговоры со службой такси и недоуменные возгласы: «Невероятно!», «Невозможно поверить!», «Всегда был такой хороший мальчик!». Высказывалось предположение, что виной всему перебор по части употребления виски. Еще несколько минут гости переминались с ноги на ногу в саду, выпили для снятия стресса по последней рюмке, потом стали приходить сигналы о подаче такси, и публика стала двигаться к выходу. Разумеется, в такой ситуации прощаться с героем праздника никому и в голову не пришло.

Тая, как носительница плохих новостей, вся скукожилась и сжалась, будто от размеров ее тела зависела тяжесть удара, который она мне нанесла. Будто это она соблазнила невинного мальчика в день рождения его отца, и ей стал невыносим груз собственной вины. Тайкин вид объяснялся на самом деле куда проще: ей стало жалко меня. Меня словно размазало по стулу, на котором я сидела. Должно быть, я выглядела совсем несчастной, и что удивительно — не могла издать и звука. Обычно в критической ситуации я за словом в карман не лезу, адвокат все-таки.

— В общем, как-то так, — подытожила Тая, чтобы пауза не была столь мучительной, — Инга исчезла. Хотя вряд ли кто-то ее искал. Стас дома не ночевал, телефон отключил.

— Еще не хватало, чтобы ночевал... — прорезалась я. — Тай, ответь, пожалуйста, от кого ты знаешь все эти подробности? Пойми, сейчас не та ситуация, чтобы что-то скрывать.

— Да я не скрываю. От Виты.

Вита (которую на самом деле зовут Викторией) в свое время, собственно, и затащила Стасика в бизнес развлечений. Он не горел желанием учиться, и своей властью отец этого нежелания изменить не мог. Стас болтался между разными темами и направлениями, не в состоянии ни на чем остановиться и осознать, к чему имеет хоть какие-то склонности. С горем пополам мальчика определили получать универсальное образование в платный коммерческий институт на заочное отделение. Финансово зависеть от отца Стасу не хотелось, и в поисках заработка он потянулся к одному из своих ближайших друзей — Игорьку Капустину. В то время Вита, старшая сестра Игорька, имеющая несколько специальностей в бытосфере, находилась в состоянии оглушительного конфликта с фирмой, на которую работала. Не буду вдаваться в подробности того, как организован так называемый свадебный бизнес, куда входит и организация самих торжеств, и подготовка невесты. Вита делала навороченные прически и макияжи, у нее были свои фотографии и стили-

сты, с которыми она сотрудничала. Она работала с фирмой, которая организовывала рестораны, фейерверки, лимузины, музыку и все прочее. А потом оказалось, что ей, несмотря на все ее дипломы и сертификаты, отдавали самые дешевые заказы, да еще и ухитрялись обманывать. Разгорелся скандал, и Вита решила уйти в свободное плавание. Конкурировать с бывшими партнерами ей было бы сложно, и она решила с помощью мальчиков развить собственное направление — организацию вечеринок. Почему обязательно зацикливаться на свадьбах, там уже сложилась и сработалась такая «мафия», которую они переиграть не смогут. Игорьек и Стасик распределили обязанности и начали с нуля. С первыми клиентами им, кстати, здорово помогли добрые знакомые Михал Михальча, согласившиеся поручить проведение корпоративных мероприятий новой молодой фирмочке. Мальчишки старались, постепенно стала складываться репутация. Если речь шла о дне рождения или юбилее, Вита была при деле, а вот корпоративные вечеринки поначалу проходили без нее, пока ей не пришлось в голову предложить одной крупной фирме свое участие. Конечно, сделать укладку каждой участнице банкета просто нереально, но если общество не слишком многолюдное, то предложение пройтись специальной пудрой по заблестевшим личикам или подчеркнуть

глазки перед фотографированием принималось охотно. С появлением соцсетей женщины стали проявлять болезненный нарциссизм во всем, что касалось публичного предъявления своего незабываемого образа. Вита чувствовала, где прячутся деньги и где нужно копать, чтобы их извлечь. В общем, они сработались. На юбилей Михал Михалыча ее, естественно, никто не приглашал: вместе с Игорьком они были одновременно гостями Стасика и ответственными за проведение мероприятия. Кейтеринг, музыка, свет, обслуживание за столом — все это было незаметно, но это было. Если бы не было, тогда было бы заметно.

Моя Тая хорошо знала Виту, потому что стриглась и красила волосы у нее, наверное, уже лет десять. Тая была непредсказуема в своих планах относительно своего образа, Вита ее понимала, так что они обе держались друг за друга.

— Она там была до последнего, хотя обычно до конца мероприятия никогда не задерживается. Но тут другое дело. Во-первых, просил Стасик, во-вторых, в саду было так хорошо и вкусно, что ей и самой не хотелось уходить.

— Она сообщила тебе о том, что произошло, еще ночью?

— Да, но очень поздно, мы проговорили с ней больше часа. Они с Игорем искали Стаса. Не нашли.

— Что ж ты мне звонить не стала?

— А смысл? Устроить тебе бессонную ночь? Зачем? Ты ведь все равно ничего не смогла бы изменить. Стас отключился, ты в любом случае не сможешь с ним связаться.

Я машинально потянулась к телефону. Бесполезно.

— Он не ответит, — сказала Тая. — Как ты себе это представляешь? Что он скажет в свое оправдание?

— Но где он может быть?

— Да мало ли... Гостиниц, что ли, в городе нет? Деньги-то у него имеются, неужели не найдет где перекантоваться? Вопрос в том, что дальше. Боюсь, твой отец его не простит. Если бы он ее просто трахнул, еще полбеды, но он его перед людьми опозорил. И жестоко. Нет, не простит.

С каждой минутой ситуация казалась все более драматичной. Постепенно приходило понимание того, что произошло. Мой отец не деспот, не самодур, он не полоумный диктатор и не домашний тиран. Но профессия научила его смотреть на мир под определенным углом зрения. События для него делятся не по признакам: приятное — неприятное, полезное — вредное, мелкое — значительное. С годами для него главным фактором оценки какого бы то ни было действия стал признак «законно — незаконно».

Не всегда, но часто это совпадало с пониманием того, что правильно, а что нет. Что справедливо, а что не очень. Отец не мыслил себя вне жестких норм поведения и принципов, которыми можно или нельзя руководствоваться в жизни. В разговорах он признавался, что законность и справедливость совпадают не всегда, но даже это не повод искать справедливости вне закона. В данном конкретном случае Стасик нарушил все мыслимые и немыслимые нормы, которые для отца были священны. Я адвокат и имею взгляды, несколько отличные от отцовских, но тут ведь любому ясно, что Стас нарушил заповеди, которые никогда не может преступить человек, имеющий совесть. Он не просто предал отца, соблазнив его женщину, он унизил его с изощренной, садистской жестокостью. На празднике, где присутствовали родители, старые друзья, коллеги. В особенный, значительный день. У меня все это не укладывалось в голове, ведь Стасик никогда не был злым. Он любил отца, проявлял дружелюбное отношение даже к посторонним людям. Мне казалось, что его ангельская внешность стопроцентно соответствовала его характеру. Шутник и озорник, да. Но при этом ласковый, даже нежный мальчик. Внимательный, не жадный, всегда готовый поделиться тем, что у него есть. Боже мой, неужели я так ошибалась в оценке брата?

Но ведь такого же мнения о нем были все окружающие! Как это могло быть? Ошибаться может кто-то один, но не все вокруг!

Но если мой мозг буквально взрывался от невозможности представить себе степень подлости собственного младшего брата, к которому была нежно привязана, то думать о том, каково сейчас отцу, было просто невыносимо. Его предали два самых близких человека, его унизили на глазах у тех, кем он, безусловно, дорожил. Конечно, сейчас он опустошен и раздавлен, но меня волновал вопрос: могу ли я что-то сделать для того, чтобы хоть как-то облегчить его состояние? И ведь по телефону этого не выяснишь. Может быть, этого вообще никак не выяснишь, но если уж пытаться, то только лично. Я бы поехала к нему и на костылях, вести машину я не смогу, но неужто я не в состоянии забраться в такси? Вопрос только в том, готов ли отец сейчас разговаривать с кем бы то ни было на столь болезненную тему? Захочет ли он обсуждать все это со мной? Сможет ли? Нетрудно догадаться, что сейчас он подавлен и вряд ли до конца осмыслил произошедшее накануне. Но ведь просто промолчать тоже не годится. Я не могу притвориться, будто ничего не знаю. Не могу сделать вид, что ничего страшного не случилось.

Тайка вскоре ушла, и я осталась один на один со своими размышлениями. Отец тоже навер-

няка отключил телефон, чтобы не слышать слов сочувствия. Думаю, что в оправданиях он нуждается еще меньше. Как же быть? На всякий случай я все же набрала номер, и на мое удивление отец взял трубку.

— Как быстро расползаются плохие новости, — вместо приветствия сказал он, — ты ведь уже все знаешь?

— Знаю, папа, но ничего не понимаю, — я постаралась сохранить спокойный тон, будто речь шла о чем-то обыденном, — вроде бы раньше никто из нас не напивался до такой степени.

— Думаешь, дело в пьянке? — горько усмехнулся он. — Это было бы слишком просто. В любом случае я пока не готов говорить на эту тему, мне нужно какое-то время, чтобы...

— Я все понимаю, папа, я не буду к тебе лезть. Просто я хотела, чтобы ты знал, что мне не все равно, не безразлично то, что произошло.

— Спасибо, я это ценю, Ксения, — отозвался отец, — скажи, а ты не знала Ингу до того, как я с ней познакомился? Кто вас вообще познакомил: я или это произошло когда-то раньше? Постарайся вспомнить.

— Тут и стараться нечего, — уверенно сказала я, — я узнала ее, только когда вы с ней начали встречаться. А ты подозреваешь, что они были знакомы со Стасом раньше?

— Я этого не исключаю. В конце концов, она впервые появилась у нас как подруга кого-то из Стасовых гостей. Вопрос только в том, зачем он привел ее в наш дом? Просто так или с какой-то целью? Ладно, давай пока не будем углубляться. Мне нужно время, сейчас мне хотелось бы побыть одному.

Я порадовалась его выдержке и спокойствию. И хотя это было обычным его состоянием, в гневе и раздражении — и уж тем более в истерике — я его никогда и не видела, но события, произошедшие вчера, могли служить достаточным основанием для хотя бы частичной утраты самоконтроля. Я отметила, что вряд ли в аналогичной ситуации смогла бы сохранять такое же хладнокровие. Но Михал Михалыч Кондрашов умел держать себя в руках. Это вовсе не означало, что его сердце в этот момент не сжималось от боли, просто он умел этого не показывать. Судейская работа научила его глубоко прятать эмоции. И искать мотивы, причины даже там, где это особенно трудно. Перво-наперво он заподозрил сына и несостоявшуюся жену в том, что их связь — не результат необузданного порыва, не глупая выходка не контролирующихся себя пьяных людей. Он предположил, что Стас привел Ингу домой с определенной целью. Познако-

мать с отцом? Устроить их брак? Но зачем, если он сам спал с ней? Вопросов и так было много, но отец наверняка сформулирует и другие, ведь он жил с веселой парочкой бок о бок и сейчас наверняка вспоминает в мельчайших подробностях все детали их совместной жизни. Может, так и лучше. Пусть лучше работает мозг, тогда сердце имеет шансы не разорваться. Небольшое затворничество пойдет папе на пользу.

Думая об этом, я не знала, что столь необходимое отцу уединение будет прервано самым неожиданным и трагическим образом.

Мне оставалась последняя неделя в гипсе, и я начала постепенно готовиться к выходу «в свет»: вычленила первостепенные рабочие вопросы, покрасила голову, в день снятия гипса запланировала коррекцию ногтей. Я раздумывала над списком текущих дел, когда позвонил дед. Вообще-то первым он звонит мне дважды в год: в день моего рождения и 8 Марта. Если он и делает исключения, то ради каких-то особенных случаев или «по делу». Я удивилась, разговаривать с дедом не хотелось, но я, конечно же, взяла трубку. По его глухому голосу с первых секунд стало понятно, что что-то произошло.

— Ты все еще в гипсе? — хрипло откашлявшись, спросил он.

Трогательная осведомленность деда меня сильно удивила. Оказывается, он знает, что у меня сломана нога! Я не стала это комментировать, просто ответила:

— Последнюю неделю дома сижу, скоро снимут. Что-то случилось? Я тебе нужна?

На миг в трубке воцарилось молчание, однако мне показалось, что на этом фоне стало слышно тихое бабкино поскуливание. Учитывая обстоятельства празднования позавчерашнего отцовского юбилея, мне вдруг стало страшно.

— Там Стасика нашли... — еле-еле выдавил дед, — Миша туда поехал.

— Что значит «нашли»? Кто и зачем его искал? И куда поехал папа? Что случилось, в конце концов!?

— Стасика нашла полиция, — прохрипел дед, — он мертв. Отец поехал туда.

— Как мертв? Что с ним случилось?! Где его нашли?! — закричала я.

— Я ничего не знаю, Миша больше ничего не сказал, только просил, чтобы я сообщил тебе.

— Ты точно больше ничего не знаешь?

— Нет, не знаю, — прошелестел дед и заплакал. Подвывание бабки становилось все громче, и я нажала отбой.

Теснота юридического мира, где все про всех знают, иногда оказывается полезной. У меня

ушло не более получаса, чтобы выяснить все, что было известно по интересующему меня на данную минуту вопросу.

На самом деле Стасика нашла не полиция, его обнаружила Люся, которая приходит в клуб «Лунная дорога» ранним утром, проветривает помещения, находит бутылки, оставленные где попало, презервативы, упаковки от гадкой синтетической наркоты, которой тут — на любой вкус, собирает все это добро в большие пластиковые мешки, выносит их на мусорку и только после того приступает к уборке. Первое время брезгливость брала свое, и Люся думала, что долго на этой работе не задержится. Ее коробило от одного вида использованного презерватива, омерзительно было прикасаться к нему даже в перчатках, а если где-нибудь в темном углу она находила шприц, ее охватывало горькое чувство: вот еще одна молодая жизнь скатилась под откос. Потом Люся привыкла. Платили ей хорошо, в других местах уборщицы получают меньше, а деньги были нужны, на счету каждая копейка. Да и график позволял совместительство. Днем и вечером в «Лунной дороге» шуршали другие уборщицы, молодые, в основном приезжие. Старых и страшных не брали, наверное, потому что молодых пользовали еще каким-то образом.

У черного входа, привалившись спиной к стене унылого здания, спал мальчик. Люся только мельком на него взглянула: ясно, что пацан отрубился, но ничего — не зима, не замерзнет. Подобные картины тут не такая уж редкость, хоть охранники и выдворяют всех к моменту закрытия, но случается, что кто-то оказывается не выдворяем. Ну не может человек уйти, что ты с ним сделаешь. Так что не подобранный с вечера живой мусор периодически появляется, с фасада редко, со стороны двора — чаще. Обычно Люся обходила таких «клиентов» стороной, мало ли что им — упоротым — с дурману привидится. Но сейчас Люся присмотрелась: мальчик-то приличный какой, в «Лунную дорогу» такие не ходят. Бывало, вызывали ее во время работы клуба, видела она здешнюю публику. Спящий парень явно не тугошный клиент. Люся на минуту задержала на нем взгляд: светло-бежевый пиджачок явно из дорогих, руки холеные, на безымянном пальце серебряное кольцо с бриллианчиком, длинные волосы тщательно промыты, красивой волной спадают на плечи. Татуировок не видно. Лицо... Лицо бледное, чистое, ангельское какое-то... Красивое. Люся осторожно ткнула парня в плечо:

— Просыпайся, утро уже.

Никакой реакции. Ладно, подумала женщина, сам проснется, видно, не отпустило еще.

Люся собрала вчерашнюю дрянь, потащила пакеты в мусорку, бросила взгляд налево от двери. Мальчик все еще сидел, спал. Нет, это не дело, сейчас придет охрана, обдерут его до нитки, карманы обшмонают, возьмут все что есть, кольцо с пальца стянут. Надо будить. Люся дотронулась до плеча, нет реакции, чуток пошумела, тоже не помогло. Может, ему «Скорую» нужно вызвать? Был бы на его месте обычный татуированный придурок с ублюдской рожей, она бы вмешиваться не стала. Так им и надо, обдолбанным козлам. Но мальчик был такой домашний, чистенький, красивый, что просто пройти мимо невозможно — жалко пацана. Люся потрогала ему лоб и в ужасе отпрянула. Для верности еще раз потрясла за плечо, парень завалился на бок, упал. Из кулака выпала маленькая пластиковая упаковка. Тут Люся поняла, что мальчик мертв, и побежала звонить в полицию.

В кармане молодого человека нашли паспорт на имя Станислава Михайловича Кондрашова. Заглянули в его смартфон, увидели фото с отцом, и сомнений не осталось — сын председателя районного суда, причем именно того района, где и найден труп. Позвонили Михаилу Михайловичу, попросили опознать тело. Труп отвезли в морг, а в следственном отделе решили, что, учитывая статус отца, дело обязательно заберут наверх, в управление. Это вопрос часа, от силы двух.

— Тебе надо поехать к отцу, побыть с ним какое-то время, — сказала мама в ответ на мое сообщение, — он ведь там совсем один. Хочешь, я за тобой заеду, отвезу тебя к нему?

— Я не уверена, что он сейчас хочет кого-то видеть, я пока не смогла ему дозвониться.

— В такой ситуации не нужно спрашивать, приехать или нет. Ты его дочь, причем теперь единственный его ребенок, ты должна быть рядом в тяжелую минуту. Ему сейчас нужно будет с кем-то поговорить. Он сейчас не может поверить в реальность происходящего, тебе нужно его поддержать.

— Вряд ли я смогу его успокоить.

— Успокоить его не сможет никто, твое дело просто быть рядом, чтобы он знал, что он не один.

Я положила в сумку смену белья на случай, если останусь ночевать, взяла кое-что из одежды. Пока я то ковыляла, то прыгала на одной ноге, появилась мама. Вид у нее был серьезный и даже печальный. Хотя Стасик и был ей совершенно посторонним человеком, но мама вообще близко к сердцу принимала, когда умирают молодые люди.

— Пока нет никаких подробностей? — спросила она, садясь за руль. — Пристегнись. Тебе удобно?

— Ты про какие подробности спрашиваешь? О смерти Стасика? Я надеюсь услышать что-то

новое от отца. Я знаю только название клоаки, где его нашли. И что внешних следов насильственной смерти нет. Больше пока ничего.

Я рассказала о скандале, произошедшем на папином юбилее, сразу, как только узнала сама, так что мама была в курсе. Тогда она не стала комментировать события, просто сказала: «Фу, какая гадость», и больше мы к этой теме не возвращались. Теперь она, как настоящий юрист, начала сопоставлять факты.

— Стасик с тех пор не появлялся дома?

— Не знаю, мам, думаю, нет. А там уж...

— Странно это как-то. Сначала он выкидывает омерзительный фортель, который, судя по твоим рассказам, совсем не в его духе, причем делает плохо и отцу, и этой девице, и самому себе. Во имя чего? Зачем? Потом неожиданно погибает по неизвестной причине. Как-то все это нелепо и очень странно. Ты веришь в то, что эти события не взаимосвязаны?

— Если честно, нет. Не верю. Но это мы с тобой после обсудим. Сейчас у меня слишком мало информации.

Остаток дороги мы молчали.

Дверь нам открыла заплаканная Клавдия, папина помощница по хозяйству. При виде меня она открыла рот, чтобы что-то сказать, но когда

за моей спиной показалась мама — а Клавдия вряд ли могла знать ее в лицо, — домработница предпочла промолчать, только жестом пригласила нас в отцовский кабинет. Я решила отстать от мамы, задержавшись в гостиной, чтобы она выразила свои соболезнования тет-а-тет. Я-то собиралась остаться, так что могла и подождать. Оказавшись наедине со мной, Клавдия дала волю чувствам — залилась слезами не на шутку.

— Как же так? — причитала она. — Он ведь никогда ничего такого не употреблял, что за бесы его разожгли?

— А откуда известно, что он что-то употреблял? Для экспертизы еще рановато.

— Да я точно не знаю, краем уха слышала, Михал Михалыч говорил... — всхлипывала Клавдия, — может, я не так что-то поняла. Я должна тебе пожаловаться, он не стал обедать и сказал, что не будет ужинать. Я знаю, что потом ему будет плохо. Тебе надо как-то повлиять.

— Постараюсь. Коньяку у вас нет?

— Тебе или ему?

— Мне.

— Есть, конечно, сейчас принесу...

Клавдия вышла, и в этот момент в гостиной показалась мама.

— Иди, дочь, — сказала она и положила мне руку на плечо, — не бойся, он хорошо держится.

— Сейчас, только коньяку выпью.

— У него на столе стоит начатый коньяк, с ним и выпьешь.

— И с ним я тоже выпью, — пообещала я, прислушиваясь, не идет ли Клавдия.

Мама чмокнула меня в щеку и ушла, а я почти залпом выпила свою порцию и поковыляла в кабинет, так и не придумав, что сказать отцу — коньяк расширил сосуды, но прилива мысли так и не обеспечил..

Оказалось, ничего придумывать было и не нужно. Отец не нуждался в словах утешения. У него было скорбное, осунувшееся лицо, красные глаза, но за своим замечательным, мощным дубовым столом он сидел прямо, внимательно глядя в ноутбук. Подойдя ближе, я увидела, что он листает какие-то фотографии, что-то записывает. Я обняла его за плечи, и он поцеловал мне руку. В словах необходимости не было.

— Клавдия сказала, ты совсем ничего не ед, — все же заговорила я, — желудок будет болеть.

— Это не принципиально, пусть болит, — согласился отец.

— Папа, это не подход, не нужно добавлять проблем, достаточно тех, что уже есть.

— Ты права, моя взрослая умная дочь, — вздохнул отец, — теперь единственная.

У меня навернулись слезы, но давать им волю было нельзя, пусть отец сначала хоть немного поест, поплачем потом.

— Сказать Клавдии, чтобы принесла что-нибудь сюда? Или будем ужинать как взрослые?

— Как взрослые вряд ли, — буркнул отец, — дай бог, чтобы мне хоть что-то в горло пролезло. Давай здесь, заодно посмотрим кое-что.

Из предложенного Клавдией я выбрала свежий хлеб, холодные телячьи котлеты и только что пожаренные горячие кабачковые оладьи. И оказалась права — отец без протеста съел бутерброд с котлетой и, продолжая поиски в ноутбук, незаметно смел с блюда несколько оладушков. Я более или менее успокоилась, по крайней мере приступа, который мог бы наступить из-за нарушения режима питания, не будет.

— Ты хотел, чтобы я что-то посмотрела, что ты имел в виду?

— Я уже почти готов. Или даже готов, — сказал отец, отрывая взгляд от экрана, — поставь себе вон тот удобный стульчик и присаживайся рядом. Посмотри свежим взглядом.

— Что это? Твой юбилей? — почти не удивилась я.

— Да, это тот самый пресловутый праздник, который лишил меня и будущей жены, и сына, — серьезно и очень спокойно ответил отец.

Мне оставалось только подивиться отцовскому самообладанию: его предали самые близкие люди, а в его суровой интонации нет ни одной истерической нотки. У него погиб сын, а его голос даже не дрожит, хотя — видит бог — его страдание глубоко и подлинно.

— Что ты ищешь на этих фото?

— Я хочу понять, кто автор и организатор этой шуточки.

— Ты имеешь в виду..

— Да, именно это я имею в виду. Никто не узнал бы, что происходит на террасе, все гости веселились, слушали музыку, танцевали и пили. На террасе было темно. Если бы некто не направил туда луч софита, вся постыдная сцена так и осталась бы тайной. И тут два варианта. Либо этот неизвестный не был уверен в том, что происходит на террасе, мог только догадываться, но степени дерзости любовников себе даже не представлял. Он просто жестоко подшутил. Настолько жестоко, что, наверное, и сам подивился результату. И другой вариант: этот некто знал, что там происходит, и хотел разоблачить эту парочку. Третьего варианта нет. Во всяком случае, я его не вижу.

— Честно говоря, я тоже. Так ты думаешь, что смерть Стаса как-то связана с тем происшествием?